

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КАПИТАЛИЗМЕ, ИННОВАЦИЯХ И ДИНАМИЗМЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

РОЗМАЙНСКИЙ ИВАН ВАДИМОВИЧ,

*кандидат экономических наук, доцент,
НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург,
e-mail: rozvit@mail.ru*

ЛОЖНИКОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА,

*доктор экономических наук, профессор,
Томский государственный университет, г. Томск,
e-mail: tfg@mail.ru*

Статья представляет собой расширенную критику выдвинутой Яношем Корнаи «теории склонности к инновациям и динамизму» и содержит гипотезу, объясняющую, почему экономическая система постсоветской России является неинновационной. Авторы показывают, что предлагаемое Корнаи противопоставление «инновационный капитализм/неинновационный социализм» является искусственным и ангажированным. Вопреки мнению Корнаи, в рамках отечественного социализма были инновационные достижения, есть они сегодня и в смешанных капиталистических системах с элементами экономики социализма, в частности, (индикативного) централизованного планирования (Китай, Индия). Напротив, сложившаяся сегодня в России экономическая система «семейно-кланового капитализма» отбивает у агентов стимулы к учету долгосрочных последствий своих решений: российские домохозяйства и фирмы склонны недооценивать будущее, зачастую страдая от «инвестиционной близорукости». Оппонируя Корнаи и основываясь на принципе историзма, авторы подчеркивают важность проблемы специфического места России в мировом разделении научного труда и необходимости компенсации издержек НИР-специализации выгодами ОКР-кооперации. Основные идеи статьи подкрепляются большим количеством эмпирических данных.

Ключевые слова: инновации; созидательное разрушение; капитализм; семейно-клановый капитализм; экономика России.

THINKING ABOUT CAPITALISM, INNOVATION AND DYNAMICS IN POST-SOVIET RUSSIA

ROZMAINSKY IVAN, V.,

*Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
NRU HSE, Saint-Petersburg,
e-mail: rozvit@mail.ru*

LOZHNIKOVA ANNA, V.,

*Doctor of Economics (DSc), Professor,
Tomsk State University, Tomsk,
e-mail: tfg@mail.ru*

The paper is the extended critique of Kornai's «theory of propensity to innovate» and contains hypothesis explaining why the Post-Soviet Russian economic system is non-

innovative. Authors show that proposed by Kornai opposition «innovative capitalism / non-innovative socialism» is far-fetched. Contrary to Kornai, we can find innovative achievements in the Soviet socialist system as well as in the mixed capitalist systems with elements of socialism, in particular, with (indicative) centralized planning (China, India). Just the reverse, emerged in contemporary Russia economic system of «family-clannish capitalism» discourages agents' incentives to the account of their decisions' long-term consequences. The Russian households and firms underestimate their future and suffer from «investor myopia». Acted as the opponents to Kornai and based on the principle of historicism the authors emphasize the problem of specific place of Russia in the international division of scientific labor. They suppose that benefits from cooperation in the development activity should offset cost of specialization in the research work. The main ideas of the paper are confirmed by the large quantity of empirical stuff.

Keywords: *innovation; creative destruction; capitalism; family-clannish capitalism; economy of Russia.*

JEL: *E10, O10, O30, P10, P50.*

«Результаты научных исследований становятся общедоступными благодаря интернациональному характеру современной науки... В США с их философией прагматизма уделяется фундаментальной науке в структуре НИОКР меньше внимания, чем в европейских странах».

Ковалев Ю. Ю. (2002)

«В современной неинституциональной теории основной акцент обычно делается на тех факторах, которые определяют востребованность инноваций и обусловленное ими вознаграждение для тех, кто их разрабатывает и внедряет... В экономической теории существуют концепции, согласно которым на творческий поиск вообще не распространяются законы рынка и мотивы прибыли».

Скоробогатов А. С. (2009)

Вместо введения

Данная статья представляет собой нечто вроде комбинации «расширенной рецензии» на первую часть «Инновации и динамизм» книги Яноша Корнаи «Размышления о капитализме», вышедшей совсем недавно, в 2012 году, в издательстве Института Гайдара, и наброска гипотезы, призванной объяснить закономерности инновационной активности в постсоветской России. Основная задача статьи состоит в попытке объяснить, почему экономика России, перешедшая – в том числе, и, следуя заветам Корнаи, – на капиталистические рельсы, отличается сравнительно низкой инновационной активностью, причем не только в 1990-е годы, когда страна сильно страдала от трансформационного спада (впервые описанном также венгерским экономистом). В нулевые и десятые годы, когда происходил и происходит экономический рост, состояние инновационной сферы в России явно оставляет желать лучшего. Дело в том, что из логики рассуждений Корнаи следует, что капиталистическая экономика есть инновационная экономика. Опыт постсоветской России явно указывает на то, что не всякая капиталистическая экономика является таковой. Почему это так, мы попробуем объяснить, используя инструментарий классической политэкономии и неортодоксальной экономической мысли, в первую очередь, посткейнсианства, акцентирующего особую роль неопределенности, завышенная степень которой препятствует принятию множества решений, приносящих стратегически важную для общества отдачу лишь в далеком будущем.

Нам представляется, что обсудить предложенную Корнаи теорию о якобы «имманентной исключительно капитализму склонности к инновациям и динамизму» очень важно, как минимум, по двум причинам. Во-первых, венгерский экономист является «культовой» фигурой для современной экономической науки, по

крайней мере, того ее раздела, который занимается постсоциалистическими экономиками. Во-вторых, кроме Корнаи никто из известных современных экономистов не попытался осмыслить, как склонность к инновационной активности связана с различиями в экономических системах. *Почему одни системы склонны к инновациям, опираясь на соответствующий, словно встроенный в них механизм генерации и диффузии инноваций, а другие нет?* Почему одни страны преуспевают на основе экономического роста, базирующегося на инновациях, а другие страны, если и находятся в длительной стагнации, то растут исключительно на основе углубления сырьевой зависимости от более развитых держав?

Сначала мы вкратце опишем основные аспекты предложенной Корнаи теории «склонности к инновациям и динамизме при капитализме» и подвергнем критике эти аспекты. Затем приведем эмпирические данные, указывающие на состояние и динамику инновационной активности в советской и постсоветской России после того, как она вышла из трансформационного спада. Проведем сравнение выявленных тенденций с дореволюционной капиталистической Россией и попытаемся разобраться, почему Россия за последние годы пока что не преуспела в сфере инноваций.

Основные аспекты теории «склонности к инновациям и динамизму» Корнаи

Согласно Корнаи, едва ли не главным преимуществом экономической системы капитализма является ее способность перманентно генерировать инновации. Благодаря этому в данной системе происходит экономический рост, основанный на техническом прогрессе. В своей работе для обоснования данного тезиса Корнаи сначала приводит длинный перечень продуктовых революционных инноваций, а также новых способов производства и новых форм организации, получивших применение в XX веке в отраслях, производящих потребительские товары, и показывает, что все они произошли в капиталистических странах (главным образом, в США). Среди этих 89 наименований – интегральные микросхемы и лазерные принтеры, винчестеры и мобильные телефоны, социальная сеть Facebook и сайт по обмену видео Youtube, чайные пакетики и растворимый кофе, шариковые ручки и светокопировальные аппараты, микроволновая печь и кроссовки, лейкопластыри и одноразовая бритва, видеомэгафоны и кубик Рубика, тележки для покупок и штрихкоды, и др. (Корнаи, 2012. С. 40-44). Повторим: все эти нововведения были внедрены в прошлом веке в капиталистических странах, и ни одно из них не произошло в странах социализма.

Далее Корнаи приводит примеры распространения инноваций и, используя статистические данные, показывает, что социалистические общества всегда отставали от капиталистических в области внедрения инноваций, как технологических, так и продуктовых. Так, целлофан был впервые внедрен во Франции в 1917 году, в США в 1924 году, Германии в 1925 году, а в СССР лишь в 1936 году, и т. д. При этом приводятся весьма пространные рассуждения о том, как социалистическая система точно или кустарно копировала капиталистические оригиналы (Корнаи, 2012. С. 46-47).

Анализ этих и прочих данных побуждает Корнаи сделать вывод, согласно которому капиталистическая система непрерывно генерирует инновации в массовом промышленном производстве, в то время как социалистическая система органично не способна к этому. Правда, венгерский экономист забывает, что, к примеру, промышленное получение синтетического каучука и его масштабное производство, а также изобретение телевидения и начало теле вещания впервые «имели место» в СССР, а не США или какой-либо другой капиталистической стране (Рязанов, 2012. С. 287). Первым, кто предложил использование магнитно-резонансной томографии (МРТ) для диагностики заболеваний, был советский ученый В. А. Иванов – его изобретение (включая способ и устройство аппарата) датируется 1960 г. (изобретателю, лейтенанту Советской Армии, было в то время всего 24 года). И

заблуждается не только Корнаи: первым описанием МРТ как метода диагностики до сих пор считается статья «Создание изображения с помощью индуцированного локального взаимодействия; примеры на основе магнитного резонанса» профессора П. Лотербура, опубликованная в 1973 году журналом «Nature». Впервые в мире атомная электростанция (АЭС) появилась в Обнинске, а первый в мире атомный ледокол – в составе Мурманского морского пароходства. Не учитываются и успехи СССР в области освоения космоса и в военной сфере (Рязанов, 2012. С. 288).

Таким образом, мы не можем не обратить внимания читателя, как минимум, на встречную тенденцию, описанную в современных российских монографиях и учебных пособиях по инновационному менеджменту и интеллектуальной собственности. «Пользуясь открытыми описаниями авторских свидетельств, западные фирмы много десятилетий беззастенчиво использовали решения советских изобретателей в продукции, которую продавали по всему миру и в самом СССР. С введением в действие Патентного закона РФ (в 1992 г. – прим. авт.) появилась возможность переоформить авторские свидетельства в патенты, принадлежащие конкретному гражданину или компании. Но западные фирмы, декларируя игру по правилам, продолжают искать возможности пиратского использования российских изобретений. Например, когда несколько лет назад солидной компании «Сименс», уличенной в использовании российского изобретения, предложили оформить лицензионное соглашение, последовал ответ, что ввозить и продавать не вполне чистую в патентном отношении продукцию разрешило советское государство, имевшее монополию на внешнюю торговлю и права на изобретения, защищенные авторскими свидетельствами, а значит оно не возражало и против использования прав интеллектуальной собственности» (Зинов, 2003. С. 64-65).

К сказанному лишь остается добавить общеизвестный статистический факт – к середине 70-х годов XX века СССР занимал 2 место в мире после Японии по объему поданных заявок на изобретения и первое (!!!) – по количеству выданных на национальных заявителей патентов. Кстати, о только что упомянутой Японии. Этому бессменному мировому лидеру по количеству изобретений и патентов принадлежат всего-навсего 4(!) из 89 в списке революционных инноваций Корнаи. Единичны в данном списке и названия других, кроме США, развитых капиталистических стран – Великобритания, Италия, Франция, Швейцария, Швеция, Нидерланды, Дания. Итак, непредвзятый анализ исходного эмпирического материала, на наш взгляд, серьезно «подмывает» прямолинейность воздвигаемой венгерским ученым теоретической конструкции: «инновационный динамичный капитализм – плетущийся в хвосте технического прогресса социализм».

Никак не укладывается в теорию Корнаи следующая статистика. Научный персонал к началу трансформационного спада распределялся между капитализмом и социализмом равномерно – на долю стран СЭВ включая СССР приходилось 49% от числа ученых и инженеров, причем внутри второго блока доля Северной Америки (26%) даже немного уступала доле Зарубежной Азии (27%). А за XX век (период, анализируемый Корнаи) в США было сделано 40% всех открытий и изобретений, Россия и СССР вместе дали 23%, Франция – 5,4%, Германия – 11,5%, Великобритания – 16,4% соответственно (Ковалев, 2002. С. 47, 81, 93).

Говорим «капитализм», подразумеваем «инновации»?

Итак, перефразируя В. Маяковского, далеко не всякий капитализм способствует инновациям и динамизму. Этого не учел Корнаи, когда противопоставлял капитализм и социализм в своей книге «Размышления о капитализме». Такое одностороннее противопоставление двух систем – один из тех аспектов теории Корнаи, с которым почти невозможно согласиться.

Как уже было отмечено выше, эта теория сознательно игнорирует огромные инновационные достижения, в первую очередь, СССР, в военно-технической сфере. Можно ли согласиться с таким исходным условием для дальнейшего теоретического

анализа, ведущего к весьма амбициозным обобщениям?

Возражения вызывает уже само структурирование материала, при котором некоторые схемы рождения инноваций при капитализме именуется альтернативными по отношению к предпринимательству по шумпетеровскому типу (Корнаи, 2012. С. 54-56). В качестве таковых названы: инициирование и финансирование инноваций в военном секторе; инициирование и финансирование инноваций в государственном гражданском невоенном секторе, зачастую, в сфере здравоохранения; наконец, по инициативе и при финансировании неправительственных, некоммерческих организаций или ассоциаций. Статистические же факты говорят вовсе не об альтернативности, а о явной концентрации в военном секторе «центра тяжести» финансирования американских НИОКР, снимающей почти целиком фактор неопределенности внедрения разработок для гражданского применения (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля отдельных областей исследований в государственном финансировании НИОКР развитых стран в 1990 г., в %

Исследовательская цель	США	Япония	ЕС
Использование окружающей среды	1	1	3
Пространственная планировка и инфраструктура	1,8	1,9	2,3
Загрязнение окружающей среды	0,6	0,5	4,9
Защита человеческого здоровья	13,4	2,8	3,2
Рациональное использование энергии	4,3	21,9	29,3
Сельскохозяйственная продукция и технология	2	3,6	4,7
Промышленное производство и технология	0,2	4,2	47,0
Общественные структуры и отношения	1,3	1,1	1
Исследования космоса	9	6,8	0,8
Всеобщее развитие знаний	-	42,5	-
Нецелеориентированные исследования	3,8	8	3
Военные исследования	62,6	5,7	-
Всего	100	100	100

Источник: (Ковалев, 2002. С. 63) (выделено авт.)

Итак, в структуре государственного финансирования НИОКР в США, на родине большинства инноваций по списку Корнаи, очевидно безоговорочное военное «превосходство». В то же самое время венгерский ученый делает существенную оговорку о том, что «большинство радикальных инноваций осуществляется в рамках схемы Шумпетера», кроме того, даже те инновации, которые зародились как-то иначе, распространяются, как полагает Корнаи, «рыночно мыслящими новаторами» (Корнаи, 2012. С. 56).

Также очевидна американская позиция номер два в структуре финансирования государственных расходов на НИОКР – в сфере здравоохранения. И этот пример, безусловно, достоин подражания, равно как обязательность наличия сильной медицинской школы в составе практически всех ведущих американских университетов, что создает широкое поле для трансфера научных разработок. Следует признать, что в этом вопросе капитализм действительно выигрывает: в 1888 г. императорский университет в Томске был открыт именно в составе единственного медицинского факультета, а уже в советское время он был выделен в самостоятельный Томский медицинский институт (ныне – Сибирский государственный медицинский университет). Но вернемся к списку революционных

инноваций Корнаи. Значительная роль сектора здравоохранения, признаваемая всеми участниками дискуссии об инновационности капитализма и социализма, почти не нашла отражения в данном списке. Исключение «лейкопластырь» лишь подтверждает правило. Вряд ли найдутся желающие оспорить тезис о том, что разработка новых лекарственных средств не меньше, чем ноутбук и кофеварка, изменила жизнь современного человека, буквально продлив ее продолжительность и облегчив страдания больных.

Невероятно, но факт: масштабные инвестиции (47%) по направлению «Промышленное производство и технология» почти не обеспечили ЕС достойного вклада в список инноваций по Корнаи. По другому, «непрагматичному», направлению «Всеобщее развитие знаний» в гордом одиночестве оказалась Япония с близким к предыдущему европейскому значению – 42,5%. Заметим, что это несколько выходит за рамки другого основополагающего тезиса ученого из МГУ Ковалева: «В мире насчитывается немного государств, ведущих научный поиск во всех отраслях знаний. Это Россия, США, Великобритания, ФРГ, Франция» (Ковалев, 2002. С. 22). Учет статистических данных бесспорно позволяет добавить в этот ряд и Японию.

Корнаи пытается дать теоретическое объяснение полученным «стилизированным фактам»: он выделяет, обсуждает и обобщает «характерные черты капиталистической экономики, которые не только делают возможным инновационный процесс, но и иницируют его, постоянно развивают и двигают вперед» (Корнаи, 2012. С. 52). К этим чертам Корнаи относит *децентрализованную инициативу, огромное вознаграждение, конкуренцию, масштабные эксперименты, и гибкость финансирования*. То есть, инновации генерируются в экономической системе, в которой новаторы свободно решают, что им делать, ориентируются на те виды деятельности, которые могут принести огромное вознаграждение и победить в конкурентной борьбе, и при этом имеют возможности много экспериментировать с испытанием нововведений на основе доступа к «свободным» финансовым ресурсам, как правило, внешним (Корнаи, 2012. С. 52-54). Все указанные характеристики позволяют и побуждают осуществлять инновации в «шумпетерианском ключе». Здесь Корнаи детализирует и развивает теорию инновационного предпринимательства, основы которой были заложены Йозефом Шумпетером еще в начале прошлого века. Как отмечает венгерский экономист, «предприниматель связывает воедино материальные и личные условия, необходимые для внедрения инноваций, иначе говоря, объединяет кадровые и финансовые ресурсы с производственными мощностями: находит место применения и управляет внедрением нововведения» (Корнаи, 2012. С. 51). Важнейшее преимущество капитализма, по его мнению, состоит как раз в том, что в нем, благодаря вышечисленным пяти «характерным чертам», создается «режим наибольшего благоприятствования» для инновационного предпринимательства в «шумпетерианском ключе». И в этом плане капитализм имеет огромное преимущество перед социализмом, в котором шумпетерианское предпринимательство в принципе невозможно.

В противовес всему вышесказанному, социалистической системе Корнаи отказывает в наличии механизма внедрения изобретений в экономику. Почти симметрично по отношению к пяти характерным чертам инноваций и динамизма при капитализме Корнаи выстраивает ряд из пяти таких же характерных «антиинновационных» черт социализма: централизованные бюрократические команды, крайне низкое или нулевое вознаграждение, отсутствие конкуренции, а также жесткие рамки для экспериментирования с инновациями и финансирования таких экспериментов. Поэтому капитализм склонен к техническому прогрессу, а социализм нет. Правда, Корнаи предусмотрительно делает одну важную оговорку, указывая, что «важную роль играет масса других факторов: уровень развития экономики, уровень образования (включая подготовку научных кадров), уровень и устройство исследовательской и проектно-конструкторской деятельности на

производстве, а также ее финансирование, ассигнование средства на науку со стороны военно-промышленного комплекса и т. д.» (*Корнаи, 2012. С. 62*). Тем не менее, ведущую роль играет именно системная обусловленность инновационного предпринимательства, связанная с пятью описанными институциональными характеристиками склонности капитализма к инновациям. Иными словами, «существует сильная связь между типом системы (капитализм или социализм) как причиной и скоростью технического прогресса и его остальными характеристиками как следствием» (*Корнаи, 2012. С. 65*).

Позволим здесь сделать небольшое отступление о теории созидательного разрушения Й. Шумпетера. Общеизвестно, что очень похожие тезисы о неразрывной связи процессов созидания и разрушения наблюдались до него у других виднейших ученых-экономистов. Так, об этом, применительно к обновлению основного капитала (а не к инновациям, тогда этот термин не использовался), говорил Карл Маркс и здесь мы не можем не вспомнить о сравнительно высоких нормах накопления, характерных для социалистической системы, а также для многих бывших слаборазвитых стран Юго-Восточной Азии. Сравнение ситуации состояния и обновления основного капитала в социалистической системе СССР и в капиталистической России сегодня подводит к следующему результату: имеющая известные изъяны модель «созидание без разрушения» сменилась на еще более худшую – «разрушение без созидания» (прежде всего, мы имеем в виду критический износ основного капитала и масштабное свертывание обрабатывающего сектора отечественной экономики).

Далее, прокомментируем составленные Корнаи пары характерных «антиинновационных» черт социализма и симметричных инновационных черт капитализма соответственно.

А. *Централизованные бюрократические команды - децентрализованная инициатива.* Проведенный анализ влияния крупных промышленных компаний на сектор генерации фундаментального знания в современной России убедительно показал, что в своей основной массе отечественные ученые изначально самостоятельно иницируют научные исследования и лишь впоследствии занимаются поиском источников финансирования у государства и бизнеса для их продолжения (*Куракова и др., 2014*). Подобные отечественные традиции ведут свое начало издавна, из капитализма царской России, и могут быть во многом объяснены творческой спецификой национального менталитета, в большей степени склонного к фундаментальным научным открытиям, чем к прикладным промышленным инновациям.

Проиллюстрируем эту мысль цитатами из книги М.Ильина и Е. Сегала «Александр Порфирьевич Бородин. 1833-1887» (*Ильин и Сегал, 1989*) о великом русском композиторе и ученом-химике, одном из создателей органической химии из плеяды выдающихся ученых с мировым именем. «Основатель научной химии (и ряда других наук – прим. авт.) - Ломоносов, многогранный и глубокий мыслитель, умел охватывать взором всю природу как единое целое (*Ильин и Сегал, 1989. С. 50*). И далее: «Так растет и развивается наука. Сначала идет длительный период собирания фактов. Этой работой терпеливо и настойчиво занимается множество людей в самых различных уголках науки. Каждый делает свое дело, и эта специализация приводит в конце концов к тому, что ученые начинают работать разобщенно, не интересуясь иной раз даже тем, чем заняты близкие соседи. Но для движения вперед нужен широкий кругозор... И вот начинается новый, революционный период развития науки. Наступает время гигантских обобщений, когда количество накопленных знаний переходит в их новое качество, когда хаос превращается в стройный порядок. Для таких обобщений нужны не просто хорошие специалисты – нужны ученые с огромным охватом. Русские ученые не раз выдвигали из своей среды людей такого масштаба» (*Ильин и Сегал, 1989. С. 210*). Это Ломоносов, Менделеев, Бутлеров, Сеченов, Тимирязев из периода царского капитализма в России. И еще интересный факт из новейшей истории: в 2014 году,

впервые за восемь веков истории Кембриджа, профессором математики стала женщина, и она русская – Н. Берлова (*Механик, 2014. С. 42-48*).

Б. Крайне низкое вознаграждение - огромное вознаграждение.

Вновь обратимся к капитализму царской России. Вот так Бородин описывал химическую лабораторию Медико-хирургической академии, в которой работал его талантливейший наставник, профессор Н. Н. Зинин. «Лаборатория академии представляла две грязные мрачные комнаты со сводами, каменным полом, несколькими столами и пустыми шкапами. За неимением тяговых шкафов, перегонки, выпаривание и пр. зачастую приходилось делать во дворе, даже зимой. Об организованных практических занятиях не могло быть и речи. Но и при таких условиях у Н. Н. находились всегда охотники работать. Человек пять-шесть всегда работало, частью на собственные средства, частью на личные средства Н. Н.» (*Ильин и Сегал, 1989. С. 43-44*).

И снова читаем о лаборатории Н. Н. Зинина: «И в такой архаической обстановке он делал те изящные и поразительно точные исследования, которые открыли ему с почетом двери в европейские академии и поставили его имя наряду с крупнейшими именами западных химиков!». «Но не приборы делают лабораторию, а ее руководитель. Где ученики группируются вокруг большого ученого, там и с небогатым оборудованием можно многого добиться. Здесь, в этих неказистых, мрачных комнатах, росла и крепла молодая русская химия» (*Ильин и Сегал, 1989. С. 46, 65-66*).

Завершить данный подраздел хотелось бы следующими цитатами из этой же книги. «Россия была страной передовой химии и отсталой химической промышленности» (*Ильин и Сегал, 1989. С. 92*). И далее: «На конгрессе в Карлсруэ русским химикам удалось занять почетное место и завоевать уважение со стороны ученых всего мира. Но в соревновании с западными учеными русские были в невыгодном положении. Подумать только, соду, и ту везли в Россию из-за границы, а уж о более сложных химических реактивах нечего и говорить! Не легко науке идти вперед, когда она не находит применения в промышленности, в жизни народа!» (*Ильин и Сегал, 1989. С. 144*). Увы, звучит удивительно актуально и сегодня, когда признанный в мире научный российский журнал по химии с наивысшим импакт-фактором «Успехи химии (*Uspekhi Khimii*)» мирно соседствует с превратившейся при постсоветском капитализме в отсталую химической промышленностью, после триумфа конца 1980-х, когда СССР был мировым лидером по производству каучуков.

Г-Д. Жесткие рамки для экспериментирования с инновациями и финансирования таких экспериментов - масштабные эксперименты, и гибкость финансирования.

Вновь процитируем выдающегося ученого Бородина: «Чего же не хватало в Петербурге молодым ученым? Прежде всего не хватало средств и времени для научной работы, а заграничная командировка давала им и то, и другое... Мудрено ли, что молодые русские химики радовались возможности поработать в хорошо оборудованной лаборатории, даже если она была за тридевять земель от их родного города?... Правда, можно было надеяться, что и в России в скором времени станет легче заниматься химией. Бородин уезжал в заграничную командировку с надеждой на то, что к его возвращению уже будет построен новый естественно-исторический институт. Перед его отъездом Зинин поручил ему купить в Германии кое-какие приборы для этого института, посетить лучшие лаборатории, побывать на химических заводах и на рудниках» (*Ильин и Сегал, 1989. С. 91-92*).

К счастью, международное разделение труда, в том числе и научного, органично предполагает и обратный процесс - его кооперацию, взаимно обогащающую науку разных стран, которая также имеет в России давние-давние традиции, идущие от учившегося в лабораториях и на рудниках Германии великого М. В. Ломоносова (кстати, тесно работавшего с иностранными учеными в учрежденной Российской Академии наук). Бородин вспоминает: «Остановившись в

Badischer Hof... мы как раз попали в отель, где обедают все наши русские, живущие в Гейдельберге... я увиделся с Менделеевым, Сеченовым и многими другими. После обеда мы отправились все к Менделееву; у него очень миленькая лаборатория, чистенькая и даже снабженная газом». И далее: «Гейдельберг меня сильно порадовал, в нем все так же, все то же... Русских здесь видимо-невидимо; большей частью все молодежь...особенно по зоологии... Здесь основывается химическое общество» (*Ильин и Сегал, 1989. С. 94, 121*).

Но нельзя не замечать и проблемный аспект, а именно издержек положения российской науки в мировом разделении труда и кооперации, одинаково наблюдаемых как в условиях как капитализма, так и социализма. «Лаборатория эта не публичная и потому не устроена на тех меркантильно-коммерческих основаниях, как германские лаборатории. Пириа и Бертаньини, сделавшие почти все свои открытия в этой лаборатории, успели обогатить ее множеством приборов и других учебных пособий. Итальянские ученые не привыкли еще к наплыву иностранцев, приезжающих с целью заниматься, и будучи поставлены совсем иначе, чем германские ученые, не привыкли к этой системе эксплуатации». «Когда Бородин спросили, отчего он уступил Вюрцу исследование альдолев, он вздохнул и сказал: «Моя лаборатория еле существует на те средства, которые имеются в ее распоряжении, у меня нет ни одного помощника, между тем как Вюрц имеет огромные средства и работает в двадцать рук, благодаря тому, что не стесняется заваливать своих лаборантов черной работою... Немецкие и французские фабриканты не жалели средств на химические исследования, которые могли принести им прибыль» (*Ильин и Сегал, 1989. С. 121, 270*).

Дальнейшему углублению промышленной специализации в мировом разделении труда в сфере науки активно и целенаправленно способствовала государственная политика США. Табл. 2 убедительно доказывает, что США в данном вопросе удалось опередить европейские страны, Японию и СССР.

Таблица 2

Структура расходов на НИОКР по видам исследований в основных промышленно развитых странах в 90-е годы XX века (%)

Страна	Фундаментальные исследования	Прикладные исследования	Опытно-конструкторские разработки
СССР	12,8	60,3	26,9
Япония	14,5	25,4	60
Франция	21,1	34,4	44,5
ФРГ	22	31,3	46,7
США	16,1	21,0	62,8

Составлено по: (Ковалев, 2002. С. 61, 128) (выделено авт.).

Склонна ли постсоветская Россия к инновациям и динамизму?

Мы намеренно переносим обсуждение одной из пар характерных черт инновационности и динамизма, якобы присущих капитализму и социализму, в новый раздел статьи. Речь идет о паре «конкуренция при капитализме – ее отсутствие при социализме». На примере одного из самых высокотехнологичных секторов экономики – фарминдустрии (почему-то проигнорированной при составлении списка революционных инноваций) – можно доказать субъективизм в подходе Корнаи к характеристике инновационности того или иного типа экономической системы. Так, общеизвестным является факт о том, что так называемая «Биг фарма» (20-30 крупнейших западных фармкомпаний, в т.ч. ТНК) на протяжении последних 20 лет стремительно увеличивает свою рыночную власть как на мировом рынке в целом, так и на региональных рынках в отдельности. Таким образом, монополизм следует признать свойством, имманентным скорее

наукоемкой промышленности, основанной на интеллектуальной собственности (воплощаемой прежде всего в исключительных или монопольных правах на результаты интеллектуальной деятельности), чем социалистической системе.

Как известно, в самом начале 1990-х годов постсоветская Россия отказалась от основных институтов социалистической системы – государственной собственности, директивного ценообразования и централизованного планирования – и в стране стали проводиться системные преобразования, связанные с крупномасштабной институциональной трансформацией. Произошла либерализация цен и внешней торговли, разрешено частное предпринимательство, введена двухуровневая банковская система, а большинство государственных предприятий оказались приватизированными. Основные тенденции «перехода к рынку» реализовывались в соответствии с рекомендациями известных ученых «либеральной ориентации», включая самого Корнаи, описавшего, «как надо делать реформы», в своей знаменитой книге «Путь к свободной экономике» (Корнаи, 1990). Вроде бы, в течение 1990-х годов Россия стала превращаться в капиталистическую страну, и вроде бы в настоящее время, спустя 22 года после начала радикальных рыночных преобразований, российская экономика может называться капиталистической. В стране стало возможным проявлять предпринимательскую децентрализованную инициативу и получать огромное вознаграждение за успехи в бизнесе, при этом экспериментируя с различными технологиями, продуктами и формами организации дела. Ликвидация директивного планирования и введение свободного ценообразования вроде бы сделало возможным конкуренцию между участниками хозяйственного процесса. Наконец, появление двухуровневой банковской системы и национальной «секции» фондового рынка должно было обеспечить гибкость финансирования для различных форм предпринимательской активности, в том числе и инновационной деятельности. Итак, повторим еще раз: экономика России сильно изменилась и стала капиталистической. Но стала ли она при этом инновационной? Реализуются ли в нашей стране те тенденции развития инновационного предпринимательства по Шумпетеру, о которых писал Корнаи? Созидательным ли оказалось разрушение?

Личные ощущения авторов настоящей статьи, основанные на многолетнем опыте управления инновационной политикой в отечественных университетах, и многочисленные статистические данные, которые здесь далее будут приведены, побуждают дать отрицательный ответ на поставленный вопрос. По данным Валентина Кудрова, в течение 1970–1980-х годов 40% прироста ВВП большинства стран–членов ОЭСР обеспечивались за счёт инноваций, в 1990-е годы – уже более 50%. В России же этот показатель не превышает 3%. В 2008 году доля высокотехнологичной российской продукции на мировом рынке составляла 0,35%. А в 2010 году лишь 9,3% российских хозяйствующих субъектов осуществляли инновации, в то время как в Германии – почти 72%, в Японии – 68, в Канаде – 65, в Эстонии – 53, Латвии – 27%. Удельный вес инновационной продукции в общем объеме производства товаров и услуг составил в России в том году всего 0,4%, в то время как в Венгрии и Чехии – более 10%, в Португалии – почти 9%. Из весьма скромного общего объема наших затрат на НИОКР (более 30 млрд долл. в год) лишь 5% становятся объектами коммерческих сделок, получающих воплощение в новой продукции. В хозяйственном обороте страны находится лишь 1% результатов НИОКР, в то время как в США и Великобритании – 70% (Кудров, 2012). Приметой сегодняшнего дня стало следующее полуофициальное обобщение делового издания «Эксперт» - «в России предприятия больше средств тратят на корпоративные праздники, чем на НИОКР». Строгим статистическим фактом является то, что ни одна российская компания не входит в рейтинги мировых корпораций по объему расходов на НИОКР (соперничество осуществляется по другим показателям, к примеру, по объему чистой прибыли между ОАО «Газпром» и американской «Exxon Mobil» и др.).

При этом, хотя Россия обладает крупной научной базой (12% от числа ученых во всем мире в 2005 году), на мировом рынке гражданской наукоемкой продукции в 2005 году она имела долю лишь в 0,3%, в то время как доля США составляет 36%, Японии – 30% (Самсонов, 2006). А доля инновационного вклада в общую сумму ВВП России не превышает 2-3% (Рамазанов, 2010. С. 11).

Приведем еще данные. По производству фармацевтических продуктов в расчёте на душу населения мы отстаём от США в 66 раз; по производству электромоторов, генераторов и трансформаторов в 1,6 раза, от Германии соответственно в 5,2 раза, от Финляндии в 14,6 раза. По производству медицинской аппаратуры в расчёте на душу населения мы отстаём от США в 29 раз, от Германии в 17 раз, лекарств – соответственно в 66 и 31 раз. По оценкам Лозаннского института мировой экономики, производительность труда в экономике России сейчас в 3,2 раза ниже, чем в США, в 2,5 раза, чем в ведущих странах ЕС и в 2,3 раза, чем в Японии. Неудивительно, что доля России в мировом экспорте высокотехнологичной продукции на протяжении последних 25-30 лет сокращалась и составляет сейчас всего 0,2%, в том числе по аэрокосмической и химической продукции – 0,6%, фармацевтике – 0,4, научным инструментам – 0,3, электронике – 0,1, компьютерам – 0,0%. А в хозяйственном обороте страны находится лишь 1% результатов НИОКР, в то время как в США и Великобритании – 70%. (Кудров, 2014). Только 1 из 500 запатентованных в России изобретений находит применение в промышленности (Рамазанов, 2010. С. 10).

Ниже приведена табл. 3, в которые обобщены статистические данные по различным аспектам инновационной активности в России в сравнении с рядом ведущих западных стран, а также Японией, Южной Кореей, Бразилией, Индией и Китаем. Таблица иллюстрирует значительное отставание нашей страны от указанных государств почти по всем параметрам инновационной деятельности.

Таблица 3

**Сравнительные показатели уровня инновационного развития
в 2008–2010 гг. по России и другим странам**

Страны	Доля затрат на НИОКР в ВВП (%)	Научный уровень исследовательских центров*	Качество подготовки специалистов*	Степень взаимодействия университетов и производств*	Инновации как главный фактор конкурентоспособности
Швейцария	2,99	6,3	5,8	5,8	5,8
Швеция	3,43	6,0	5,8	5,0	5,8
Япония	3,36	5,5	5,3	5,1	5,7
Финляндия	3,87	5,2	6,1	5,6	5,6
Германия	2,82	5,6	5,7	5,2	5,5
США	2,90	5,8	5,6	5,7	5,5
Дания	3,06	5,4	5,7	5,2	5,3
Нидерланды	1,83	5,7	5,7	5,3	5,3
Великобритания	1,77	6,1	5,5	5,8	5,2
Канада	1,80	5,6	5,6	5,2	5,0
Франция	2,26	5,3	5,2	4,2	4,9
Южная Корея	3,74	4,8	5,4	4,7	4,9
Италия	1,26	3,9	4,7	3,5	4,2
Китай	1,70	4,3	4,3	4,5	4,1
Испания	1,37	4,3	4,9	4,1	4,0
Бразилия	1,82**	4,1	4,3	4,2	4,0
Индия	0,71**	4,5	3,9	3,8	3,9
Россия	1,16	3,8	4,5	3,5	3,2

* Оценка по 7-балльной шкале.

** 2007 г.

Источник: (Кудров, 2014).

Не случайно, что по некоторым показателям инновационной активности в самой России наблюдаются негативные тенденции. Так, удельный вес «инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг» уменьшился с 16, 9% в 2000 году до 4, 8% в 2011 году. Удельный вес затрат на технологические инновации в «общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг» уменьшился за этот же период времени с 11, 1% до 8, 8%. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем объеме организаций, уменьшился за этот же временной интервал с 12, 1% до 9, 9%. (*Индикаторы, 2013*). Общее количество наукоёмких инновационных предприятий в стране за последние 12 лет сократилось более чем в 2 раза, а численность генераторов инноваций, российских ученых и инженеров, сократилась втрое. Поэтому, закономерно, что еще в 2009 году (в интервью газете Коммерсант) тогдашний президент России Дмитрий Медведев честно и откровенно признал: «за все годы достаточно стабильного развития Россия решила очень много задач, но задача перехода на инновационные рельсы не решалась вообще. Мы её просто провалили» (*Коммерсант, 2009*).

Об институтах российской модели капитализма или о «склонности к инновациям и динамизму» в условиях семейно-кланового капитализма

Почему же теория инноваций Корнаи не работает в постсоветской России? Почему экономика России, став теперь капиталистической, - то есть, характеризуясь сочетанием частной собственности на производственные активы, свободой ценообразования, предпринимательства и найма - является малоинновационной, или даже вообще неинновационной? Почему азбучный тезис микроэкономики о том, что «фирмы в целях улучшения качества продукции, появления новых продуктов и экономии издержек заинтересованы в инновациях» совершенно не работает в современной капиталистической России?

Лет десять назад нами (*Розмаинский, 2004*) был предложен термин «семейно-клановый капитализм» для того, чтобы охарактеризовать специфику того типа капитализма, который к тому времени складывался – или даже уже сложился – в постсоветской России¹. Основное отличие семейно-кланового капитализма от «обычного», рыночного капитализма видится в том, каким образом осуществляется координация хозяйственной деятельности, или, иными словами, каким образом институты, обеспечивающую такую координацию, снижают неопределенность. В системе рыночного капитализма для обеспечения координации хозяйственной деятельности используется безличностная система форвардных контрактов вкупе с государственным принуждением к их выполнению и деньгами как средством их соизмерения и погашения. В системе семейно-кланового капитализма, как следует из названия, указанная координация осуществляется в рамках разнообразных семейных и/или клановых связей. Данный тезис означает, что принуждение к выполнению взятых обязательств осуществляется либо в рамках семейно-родственных отношений, либо через соответствующие иерархические структуры преступных или просто «теневых» кланов. В зависимости от того, какие кланы играют ведущую роль в социальной и экономической жизни, семейно-клановый капитализм можно классифицировать как *олигархический* и *бюрократический*. Многие свойства олигархического семейно-кланового капитализма наблюдались в России 1990-х годов, в то время как бюрократический семейно-клановый капитализм, по-видимому, является реальностью России нулевых годов XXI века (*Розмаинский, 2009*) и в настоящее время. *Несмотря на важные различия между этими двумя разновидностями семейно-кланового капитализма, их объединяет нечто очень важное – специфические национальные институты, призванные снизить неопределенность.*

Представляется, что эта система, несмотря на наличие частной собственности

¹ Эта концепция позднее была развита в следующей работе (*Розмаинский, 2009*).

и децентрализацию принятия большинства экономических решений, не столь эффективно снижает неопределенность, как «обыкновенный», рыночный капитализм. Дело в том, что осуществление координации посредством принуждения со стороны различных семей и/или кланов приводит к феномену, который описывался А. Олейником как «разделение на чужих и своих» (Олейник, 2000. Гл. 6). Такое разделение проявляется в том, что конкретный человек ведет себя честно и лояльно по отношению к членам своего клана, но, в то же время, действует оппортунистическим образом по отношению ко всем остальным агентам. В результате утрачивается взаимное доверие, и происходит «фрагментация» хозяйства. Распространение и укоренение взаимных ожиданий проявления оппортунизма, разумеется, не способствуют действенному снижению неопределенности и отбивают стимулы к заключению ряда сделок и реализации многих инвестиционных проектов. Контракты заключаются не на основе соображений экономической эффективности, а преимущественно на основе принадлежности к тому или иному клану (Розмаинский, 2009). Такое поведение – реакция на такие элементы неэффективной институциональной среды, как незащищенность прав собственности и контрактов, распространенность коррупции и других форм чиновничьего произвола, частая изменчивость законов и законодательных актов вкупе с их противоречивостью, отсутствие независимости судебной и правоохранительной систем. Еще одна важная характеристика институциональной среды семейно-кланового капитализма – высокие барьеры входа на рынки, связанные с деятельностью кланов, – частно-криминальных, или государственно-бюрократических. Без формирования адекватных связей с такими кланами «репрезентативный» частный предприниматель не может войти на многие интересующие его рынки. Кроме того, большая роль олигархических или бюрократических кланов приводит к значительной доле теневого сектора в экономике.

Всё это означает, что получает распространение ориентация на быструю окупаемость проектов. Возвращаясь к перечню «характерных черт капиталистической экономики» Корнаи, способствующих ее инновационности, следует сказать о том, что в этом списке не хватает, по меньшей мере, еще одного основополагающего пункта – а именно, *нормальной оценки будущего времени*. Для того чтобы система была склонна к инновациям, ее участники не должны «страдать» от рассматриваемой далее заниженной оценки будущего времени, которая, в свою очередь, представляет собой следствие завышенной неопределенности, являющейся продуктом неэффективных институтов. Капитализм с такими неэффективными институтами и с такой завышенной неопределенностью не может быть инновационным, как и любая система, в которой «... царит правовой нигилизм, право грубой силы и право «связей» с людьми, облеченными властью» (Скоробогатов, 2010. С. 103; см. также: Скоробогатов, 2009). Этот аспект не был учтен Корнаи, что является серьезным изъяном его теории «склонности к инновациям и динамизму».

Инвестиции с относительно длительным сроком окупаемости почти априори отвергаются в нашей стране: если для Запада 7-10-летний срок окупаемости проекта является нормой, то для России – из ряда вон выходящим событием. Данный аспект взаимосвязан с только что упомянутой заниженной оценкой будущего времени, при которой будущие экономические эффекты обесцениваются динамично возрастающей ставкой дисконта. Крайним случаем такой заниженной оценки будущего времени является *инвестиционная близорукость*, при которой будущие переменные с какого-то порогового момента вообще не учитываются в расчетах (Розмаинский, 2014. С. 35-37). «Творчество испускает дух», когда в поведении людей начинает доминировать сочетание «психологии преуспевающего потребителя» и «психологии временщика», а также, когда, по словам Джона Мейнарда Кейнса, «предпринимательство превращается в пузырь в водовороте спекуляции» (Кейнс,

2002. С. 151). Сосредоточение внимания лишь на узко-краткосрочной перспективе означает, что большинство потенциальных инноваций просто не будет рассматриваться агентами как возможный вариант развития бизнеса. Именно это мы и наблюдаем в современной России первых двух десятилетий XXI века. *Сформировавшаяся у нас модель капитализма носит принципиально неинновационный характер, не только из-за низкой степени конкуренции в такой экономике, не компенсируемой целенаправленной государственной политикой по стимулированию генерирования инноваций и наукоемкой промышленности, но и, главным образом, вследствие завышенной неопределенности и порождаемой ею инвестиционной близорукости.* В такой системе у большинства инвесторов нет отмечавшейся еще Кейнсом «жизнерадостности» (*animal spirits*), которая является в значительной (но не в абсолютной) степени антиподом инвестиционной близорукости.

Во всех этих аспектах как раз и заключаются фундаментальные отличия институциональных характеристик экономики постсоветской России от аналогичных характеристик, скажем, современных экономик стран Восточной Европы типа Польши или Словакии. В указанных странах проблемы, связанные с «разделением на чужих и своих», инвестиционной близорукостью, административными барьерами входа на рынки, взяточничеством и вымогательством, стоят далеко не так остро. Данные, собранные в ходе социологических опросов в конце 1990-х годов, свидетельствуют об этом.

Доля менеджеров, которые отказались бы сейчас вложить 100 долл., чтобы получить через 2 года 200 долл.: в Польше – 22, 1%, в Словакии – 24, 6%, в России – 98, 9%.

Доля продаж фирм, осуществляемых в других городах или странах: в Польше – 64, 7%, в Словакии – 67, 6%, в России – 23, 3%.

Доля фирм, которые согласились бы покупать товар у нового поставщика по цене на 10% ниже, чем у текущего поставщика: в Польше – 42, 5%, в Словакии – 48, 4%, в России – 1, 4%.

Доля фирм, сообщивших, что фирмы платят за «защиту» со стороны мафии: в Польше – 8%, в Словакии – 14, 9%, в России – 92, 9%.

Доля респондентов, считающих, что фирмы незаконным образом оплачивают услуги правительства: в Польше – 20%, в Словакии – 38%, в России – 91%².

Все вышеприведенные теоретические рассуждения и эмпирические свидетельства наводят на мысль о том, что экономическая система семейно-кланового капитализма не способна обеспечивать эффективное размещение ресурсов и основанный на инновациях экономический рост (*Розмаинский, 2004*). Она может расти лишь за счет активного вывоза ресурсов, что мы можем наблюдать на примере России с начала нулевых годов и до весны 2014 года.

Все эти описанные недостатки, естественно, ограничивают конкуренцию, инициативность и «динамизм». С точки зрения «склонности к инновациям и динамизму», главная проблема – завышенная неопределенность, связанная с тем, что в рамках семейно-кланового капитализма государство неэффективно защищает контракты и вообще права собственности, а «рядовые», «репрезентативные» агенты страдают от произвола олигархов или чиновников. Дело не только в том, что в такой системе степень конкуренции оказывается ниже, чем при «нормальном», рыночном капитализме. Выше мы продемонстрировали, как в СССР, несмотря на подавление конкуренции, удалось добиться немалых достижений на инновационном поприще. Завышенная неопределенность и порождаемая ею инвестиционная близорукость отбивают стимулы к инновациям в отечественной, равно как в добывающей, так и в обрабатывающей, промышленности, поскольку испытание и внедрение инноваций – это «временно- и капиталоемкий» процесс, приносящий отдачу лишь в далеком будущем. Ну и, по вышеописанным причинам, связанным с «разделением чужих и

² Эти данные были обобщены Ж. Роланом на основе исследований С. Джонсона, Д. Кауфмана и других ученых (*Ролан, 2007. С. 264, 270, 273*).

своих» и общей фрагментацией хозяйства, можно объяснить, к примеру, то обстоятельство, что «в российской инновационной системе есть практически все факторы и необходимые институты. Но все они – разрознены, а значит, собственно системы нет. Есть компании, есть ВУЗы, Академия наук – но они в общем и целом работают независимо друг от друга, имея свои, мало пересекающиеся между собой цели и миссии.» (Фиговский, 2012). Это тоже – следствие модели семейно-кланового капитализма.

Вместо заключения

Итак, с точки зрения Корнаи, переход от капитализма к социализму или, иными словами, процесс рыночной трансформации, представляет собой, безусловно, положительное явление, прежде всего, потому, что создает в том обществе, которое такой переход осуществляет, стимулы к экономическому росту на основе инноваций. В его работе приводятся конкретные примеры успешного появления инноваций в постсоциалистических Венгрии и Эстонии, а также даются статистические сведения о том, как эти и прочие страны благодаря рыночным преобразованиям преодолели отставание от западных капиталистических стран в потреблении некоторых инновационных продуктов типа мобильных телефонов и персональных компьютеров. В результате Корнаи делает вывод о том, что «войдя в мир капитализма, все постсоциалистические страны открыли двери для предпринимательства, радикальных инноваций, быстрого распространения новых продуктов и технологий» (Корнаи, 2012. С. 67). Правда, данный вывод сопровождается оговоркой о том, что это всего лишь «тенденция», «предрасположенность», что «это не физический закон, который обязан выполняться» (Корнаи, 2012. С. 67). И, тем не менее, возникает впечатление, что объяснение склонности к инновациям одних экономик и «несклонности» к ним других экономик разложено, что называется, по полочкам.

Наши возражения коснулись, прежде всего, объективности содержания и противопоставления пяти пар характерных «инновационных» и «антиинновационных» черт капитализма и социализма соответственно. Кроме того, мы отметили особую роль оценки будущего времени и, соответственно, пагубности феномена инвестиционной близорукости. Было продемонстрировано, что страна, в которой большинство хозяйствующих субъектов ориентировано исключительно на краткосрочные результаты, обречена на технологическую деградацию.

Наконец, мы указали на необходимость учета воплощения черт национального менталитета в системах мирового разделения труда и кооперации в секторе науки и инноваций. Мы попытались показать, что *издержки мирового разделения труда в научной сфере должны компенсироваться выгодами от кооперации, и что* при смене экономической системы в России "дореволюционный капитализм – советский социализм – постсоветский капитализм" наша ниша в мировом разделение труда в сфере науки и инноваций принципиально не менялась - мы традиционно сильны в первой части НИОКР – а именно НИР, в то время как США – во второй ОКР. Возможно ли изменение позиций страны в этих рамках? Считаем, что возможно, и опыт развития экономики, к примеру, Индии убедительно свидетельствует об этом. Этой стране удалось добиться в сфере инноваций впечатляющего прорыва. Как известно, весомый вклад в ВВП страны вносит IT-сектор. Огромный экспорт наукоемкой по определению фармацевтики в первую очередь осуществляется из Индии не куда-нибудь, а в преуспевшие на ниве инноваций страны Северной Америки и Европы (Губина, 2013. С. 125). Бесспорные достижения России в области экспорта военно-технической продукции (2 место в мире) и атомной промышленности говорят о возможности прорыва на инновационный мировой рынок и для нашей страны. Но модель семейно-кланового капитализма для такого сценария, по всей видимости, не является подходящей.

Возвращаясь к опыту Индии, необходимо подчеркнуть, что в настоящее

время там сочетают, вопреки традиционным представлениям Корнаи о капитализме, рыночные механизмы с выполнением 12-й пятилетки. Прозрачная, с вовлечением многочисленных участников-представителей бизнеса, науки, общественных объединений, и в силу этого *многоитерационная процедура разработки и последующей реализации планов на самых различных уровнях во многом является механизмом снижения неопределенности в экономике Индии*. «Ключевую роль во всей системе государственного регулирования экономики играет планирование, призванное подчинить действие рыночных сил установленным целям социально-экономического развития» (Маляров, 2010. Кн. 1. С. 252). Попытки наладить в России систему долгосрочного научно-технологического прогнозирования (форсайта) пока уступают индийскому опыту и по степени прозрачности (на сайтах координаторов выкладывают лишь итоговые документы после утверждения органами власти), и по количеству, а также качеству вовлеченных участников (экспертов от науки и бизнеса, представителей общественных организаций, сообществ потребителей и т. п.). Несмотря на отсутствие даже намеков на восстановление традиционной практики пятилеток, надежду на постепенные, но качественные, сдвиги в модели семейно-кланового капитализма внушает недавно принятый федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Закон нацелен на интеграцию процедур разработки и результатов, с одной стороны, долгосрочного (6 лет) научно-технологического прогноза, и, с другой стороны, комплекса прогнозов экономического характера: социально-экономического, стратегического и бюджетного.

В этой связи, думается, настало время для переосмысления на новой эмпирической основе базовых положений теории общественного разделения труда и его кооперации, сформулированных изначально Адамом Смитом и Карлом Марксом, в том числе в контексте траектории неоиндустриализации и инновационного развития современной России.

Заслуживает внимания и инновационный опыт современного Китая. «За десять лет, с 2003-го по 2012 год, доля Китая в общем мировом объеме произведенной высокотехнологичной продукции выросла втрое — с 8 до 24% (второе место после США)» (Медовников и Оганесян, 2014). Можно упомянуть и «другой индикатор сверхбыстрого инновационного роста Китая: если в 1996 году доля затрат на НИОКР в его ВВП составляла скромные 0,5%, то к 2012-му она увеличилась в четыре раза и составила 1,98% (в абсолютных цифрах — 198,9 млрд долларов)» (Медовников и Оганесян, 2014). Среди элементов китайской модели «прагматического техно-национализма», возможно, стоило бы использовать в нашей страны такие как «искусственное поддержание в течение длительного времени очень низких процентных ставок по кредитам для национальных промпредприятий», «политику агрессивного привлечения прямых зарубежных инвестиций в экономику страны», а также «госстратегию искусственного выращивания собственных сильных компаний» (Медовников и Оганесян, 2014). Всё это могло бы резко поднять уровень и норму инвестиций в нашу экономику, преодолев отсутствие «жизнерадостности» у российских инвесторов, что, в свою очередь, содействовало бы генерированию и диффузии инноваций. Однако воплощению в хозяйственную жизнь отечественной экономики указанных элементов мешают многие факторы, в первую очередь, заниженная оценка будущего времени со стороны наших государственных чиновников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Губина М. А. (2013). Влияние присоединения к ВТО на фармацевтическую отрасль: опыт Индии, возможные последствия для России / Членство в ВТО – новый этап участия России в международной торговой системе / под ред. С. Ф. Сутырина и Н. А. Ломагина. С-Пб: ЭФ СПбГУ.

Зинов В. Г. (2003). Управление интеллектуальной собственностью. М.: Дело.

- Ильин М. и Сегал Е. (1989). Александр Порфирьевич Бородин. 1833-1887. М.: Правда.
- Индикаторы инновационной деятельности 2013. (2013). (<http://www.hse.ru/primarydata/ii2013>).
- Кейнс Дж. М. (2002). Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ.
- Ковалев Ю. Ю. (2002). География мировой науки. М.: Гардарики.
- Коммерсант, 2009. 1 сентября. (<http://www.kommersant.ru/pda/kommersant.html?id=1229521>).
- Корнаи Я. (1990). Путь к свободной экономике. М.: Экономика.
- Корнаи Я. (2012). Размышления о капитализме. М.: Издательство Института Гайдара.
- Кудров В. М. (2012). Модернизации и инновации – главные моторы современного прогресса // *Современная Европа*, № 3, с. 65–76.
- Кудров В. М. (2014). Между прошлым и будущим: России нужна современная и эффективная модель развития // *Современная Европа*, № 1 (57), с. 26–39.
- Куракова Н. Г., Зинов В. Г., Курпьянова О. И. и Сорокина А. В. (2014). Влияние крупных промышленных компаний на сектор генерации фундаментального знания (ч.1) // *Инновации*, № 7, с. 99–104.
- Маляров О. В. (2010). Независимая Индия: эволюция социально-экономической модели и развитие экономики: в 2 кн. М.: Вост. лит.
- Медовников Д. и Оганесян Т. (2014). Инновационное дао Поднебесной // *Эксперт*, № 45 (922). (<http://expert.ru/expert/2014/45/innovatsionnoe-dao-podnebesnoj/>).
- Механик А. (2014). Она пошла дальше Ландау // *Эксперт*, № 22 (901), с. 42–48.
- Олейник А. Н. (2000). Институциональная экономика. Учебно-методическое пособие. М.: ИНФРА-М.
- Рамазанов Ж. Ш. (2010). Инновационная модель экономики и проблемы ее формирования в России // *Известия Томского политехнического университета*, Т. 317, № 6, с. 9–12.
- Розмаинский И. В. (2004). Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 2, № 1, с. 59–71.
- Розмаинский И. В. (2009). Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход // *Вопросы экономики*, № 6, с. 48–59.
- Розмаинский И. В. (2014). Гедонистическая культура и глобальный кризис // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 12, № 1, с. 28–40.
- Ролан Ж. (2007). Экономика переходного периода. М.: ГУ-ВШЭ.
- Рязанов В. Т. (2012). Немного солнца в холодной воде кризиса. Рецензия на: Янош Корнаи. Размышления о капитализме. М.: Издательство института Гайдара; *Логос*, 348 с., № 4 (88), с. 286–291.
- Самсонов Ю. (2006). Рынок инноваций в России // *Экология и жизнь*. (<http://www.center-inno.ru/materials/library/06-2>).
- Скоробогатов А. С. (2009). «Особый путь» России и стимулирование инновационной активности // *Вопросы экономики*, № 2, с. 119–131.
- Скоробогатов А. С. (2010). «Особый путь» России в стимулировании творческой активности // *Журнал институциональных исследований*, Т. 2, № 2, с. 96–108.
- Федотов К. А. (2005). Инвестиционный прорыв. (<http://www.contrtv.ru/print/1809/>).
- Фиговский О. (2012). Инновационная сфера в России и за рубежом. (<http://>

park.futurerussia.ru/extranet/blogs/figovsk/235/).

REFERENCES

Gubina M. A. (2013). The impact of WTO accession on the pharmaceutical industry: the Indian experience, the possible consequences for Russia / WTO Membership - A New Stage of Russia's Participation in the International Trading System / Ed. by S. F. Sutyurin and N. A. Lomagin. Saint-Petersburg, Publ. House of Faculty of Economics, St. Petersburg State University. (In Russian).

Zinov V. G. (2003). Management of intellectual property. Moscow, Case [Delo] Publ. (In Russian).

Ilyin M. and *Segal E.* (1989). Alexander Porfir'evich Borodin. 1833-1887. Moscow, True [Pravda] Publ. (In Russian).

Indicators of Innovation Activity 2013. (2013). (<http://www.hse.ru/primarydata/ii2013>). (In Russian).

Keynes J. M. (2002). The general theory of employment, interest and money. Moscow, Helios ARV Publ. (In Russian).

Kovalev Yu. Yu. (2002). Geography of world science. Moscow, Gardariki Publ. (In Russian).

Kommersant (2009). 1 September. (<http://www.kommersant.ru/pda/kommersant.html?id=1229521>). (In Russian).

Kornai J. (1990). The path to a free economy. Moscow, Economics [Economika] Publ. (In Russian).

Kornai J. (2012). Reflections on capitalism. Moscow, Publ. House of Gaidar Institute. (In Russian).

Kudrov V. M. (2012). Modernization and innovations - main motive powers of modern progress. *Contemporary Europe*, no. 3, pp. 65-76. (In Russian).

Kudrov V. M. (2014). Between the past and the future: Russia needs a modern and effective model of development. *Contemporary Europe*, no. 1 (57), pp. 26-39. (In Russian).

Kurakova N. G., Zinov V. G., Kupriyanova O. I. and *Sorokina A. V.* (2014). The influence of large industrial companies on the sector of generating fundamental knowledge (Part 1). *Innovations*, no. 7, pp. 99-104. (In Russian).

Malyarov O. V. (2010). Independent India: the evolution of the social-economic models and economic development: in 2 books. Moscow, Publ. House Eastern Literature. (In Russian).

Medovnikov D. and *Oganesyan T.* (2014). Innovative dao in China. *Expert*, no. 45 (922). (<http://expert.ru/expert/2014/45/innovatsionnoe-dao-podnebesnoj/>). (In Russian).

Mechanik A. (2014). She went on to Landau. *Expert*, no. 22 (901), pp. 42-48. (In Russian).

Oleinik A. N. (2000). Institutional economics: A teaching aid. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian).

Ramazanov J. S. (2010). An innovative model of economy and problems of its formation in Russia. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, vol. 317, no. 6, pp. 9-12. (In Russian).

Rozmainsky I. V. (2004). Main characteristics of family-clan capitalism in Russia on the boundary of centuries: institutional and postkeynesian approach. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 2, no. 1, pp. 59-71. (In Russian).

Rozmainsky I. V. (2009). Uncertainty and institutional evolution in complex economic systems: The Post Keynesian approach. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 6, pp. 48-59. (In Russian).

Rozmainsky I. V. (2014). Hedonistic culture and global crisis. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 12, no. 1, pp. 28-40. (In Russian).

Roland J. (2007). Economics of transition. Moscow, Publ. House of HSE. (In Russian).

Ryazanov V. T. (2012). A little sun in cold water crisis. Review of: Janos Kornai. Reflections on capitalism. Moscow, Publ. House of Gaidar Institute; *Logos*, 348 p., no. 4 (88), pp. 286-291. (In Russian).

Samsonov Yu. (2006). Innovation market in Russia. *Ecology and Life*. (<http://www.center-inno.ru/materials/library/06-2>). (In Russian).

Skorobogatov A. S. (2009). Russia's special institutional conditions for inducing innovative activity. *VOPROSY ECONOMIKI*, no. 2, pp. 119-131. (In Russian).

Skorobogatov A. S. (2010). Russian "special way" in stimulating creative activity. *Journal of Institutional Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 96-108. (In Russian).

Fedotov K. A. (2005). Investment breakthrough. (<http://www.contrtv.ru/print/1809/>). (In Russian).

Figovsky O. (2012). Innovation sphere in Russia and abroad. (<http://park.futurerussia.ru/extranet/blogs/figovsk/235/>). (In Russian).